

О. Е. Мальченко

Структура культурного текста исторической артиллерии XVI–XVIII веков

Аннотация: статья посвящена вопросам семиотического подхода к изучению такого историко-культурного феномена, как артиллерия XVI–XVIII вв. В качестве исходного предположения принимается, что историческая пушка создает гетерогенный текст с определенными смыслами, на базе которого может быть реконструирована система его знаков и расшифрован сам текст. Локальный пушечный текст с собственной внутренней структурой рассматривается в русле современных культурологических подходов. Предпринята попытка анализа структуры культурного текста исторической пушки. Дается оценка уровня его информационной насыщенности. Рассматривается механизм способности пушечного текста приобретать новые смыслы или актуализировать забытые при взаимодействии с новыми культурными контекстами. Поднимается вопрос об исторической ценности пушечного текста. Автором предлагается типология «читателей» пушечных текстов, распределение их по степени заинтересованности, манере изучения текста и характеру поисковой информации. Данные анализа оформлены в таблицу.

Review: the article discusses the semiotic approach to studying such a historical phenomenon as artillery of XVI–XVIII centuries. The article is based on the supposition that a historical cannon creates heterogeneous text with certain meanings that help to reconstruct the system of signs and recode the text itself. Local cannon text has its inner structure and is being viewed from the point of modern cultural approaches. The author makes an attempt to analyze the structure of cultural text of such historical cannon and evaluates the degree of information richness of such text. The author also views the ability of the cannon text to acquire new meanings and to bring into focus old forgotten meanings when interacting with new cultural contexts. The author also raises a question about historical value of cannon's text. The author offers a classification of 'readers' of canon's text depending on their interest, manner of text research and the nature of searched information. The results are shown in a table.

Ключевые слова: культурология, семиотика, текст, контекст, структура, функция, артиллерия, пушка, информативность, исторический источник.

Keywords: cultural studies, semiotics, text, context, structure, function, artillery, cannon, information, primary source.

Современное научное сообщество воспринимает текст культуры как явление тотального характера, способное на множество проявлений. Термин «текст», в зависимости от авторских вкусов, воспринимается по-разному из-за своей понятийной гипергибкости, и остается одним из самых популярных в гуманитарных науках. Магическое влияние его универсальности не позволяет оставаться в стороне от модного постмодернистского мейнстрима. Наше внимание привлекли закодированные тексты такого историко-культурного феномена как артиллерия XV–XVIII вв., и данная статья посвящена вопросам семиотического подхода¹ к изучению древних пушек².

Историческая пушка, очевидно, наделена специфичной семиотической функцией и, как любая производственная структура, несет в себе информацию относительно разных сторон человеческого бытия, а значит, – является определенным текстом. Основой в отношении пушки как материального объекта и пушечного текста, является концентрированность, однородность и наличие базовых (стабильных) элементов, которые маркируют пушку, выделяют ее из множества текстов культуры: специфический производственный материал, большой калибр (в отличие от ручного огнестрельного оружия), визуальное деление на технические части, технологические элементы управления стволом (цапфы, винград, вертлюг).

Пушечный текст мы рассматриваем в русле современных культурологических подходов, как ограниченное, замкнутое на себе образование со специфической, четко очерченной физическими границами структурой, которое адекватно переда-

¹ Гуцол С. Ю. Семиотический подход к проблемам исследования мифа. С. 130. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/znpip/2/2010_6/st11.pdf.

² Историческая пушка может рассматриваться как семиотическая система с нескольких позиций: как имя, как культурный феномен или как время. Мы остановимся на культурном феномене.

ет значение своих символов³. К тому же, пушечный текст находится в своем собственном внутреннем времени (кажется, это называется забавным словом панхронность), и, контактируя с поточным временем, способен порождать новые неожиданные смысловые эффекты.

Под текстом исторической пушки, очевидно, следует понимать все сообщения, отправленные материалом ствола, его физическими параметрами, технологическими деталями, символической, эпиграфикой и декором. Поэтому исходным будет предположение, что историческая пушка создает гетерогенный текст с определенными смыслами, на базе которого может быть реконструирована система его знаков и, собственно, расшифрован сам текст.

По своей природе любой текст подразумевает определенную кодировку, которая значительно старше собственно текста⁴. Презумпция закодированности сложного пушечного текста, очевидно, является аксиомой в работе исследователя. Обычный же «зритель», не знакомый с кодами, скажем, посетитель музея, будет интерпретировать и актуализировать текст на свое усмотрение, обычно – поверхностно и неадекватно. Например, в Музее истории запорожского казачества (г. Запорожье) выставлен качественный чугунный фальсификат «львовской пушки XVI в.», который объявлен оригиналом. Более грубый фальсификат выставлен в музее-заповеднике «Олеський замок», однако посетители рассматривают его как образец львовского пушечного литья. В Артиллерийском музее Санкт-Петербурга нам довелось услышать, как отец объяснял сыну, указывая на известную пушку XVI в. работы Кашпира, изувеченную пожаром, что так выглядит пушечный ствол после долгого пребывания в воде. Но тут мы касаемся практического значения «прочтения» пушечных текстов, что не относится к теме данной статьи.

Информационная структура пушечного ствола формируется через его способность, как объекта визуального и монументального, распространять свое содержание и смысл. Носители информации – технические и декоративные элементы, передают «сообщения» через свои геометрические, семантические и эстетические характеристики, индивидуализируя текст.

Геометрические характеристики текста «пишутся» архитектурой ствола, ритмом, пропорциями,

³ Уподобление культурного текста исторической артиллерии некой наделенной внутренней целостностью структуре, опирается на философско-методологическую основу, согласно которой любое явление действительности является системой, составленной из простых элементов.

⁴ Лотман Ю.М. Текст в тексте // Избранные статьи в трех томах. Таллинн, 1992. Т. 1. С.148.

оригинальными технологическими деталями, соотношениями объемов. Семантические качества пушечного ствола обуславливают знаковый, смысловой и символический подтекст. Эмоциональное наполнение, которое базируется, в основном, на художественных элементах, передает текст на чувственном уровне. Так простор исторического пушечного ствола превращается в носителя текстуальной информации. И, говоря о просторе исторической пушки, мы не прибегаем к метафоре, а подразумеваем чисто материальную величину, внутри которой только и возможна реализация коммуникативных процессов и продуцирование информации.

Анализ параметров простора пушечного ствола подразумевает обозначение доминант, акцентов, технических и композиционных осей, зон оптимального восприятия как объекта в целом, так и его отдельных декоративных элементов.

Художественно-эстетическая оценка пушечного текста объединяет предварительный анализ и концепцию воплощения декора. Сама концепция определяется идеей (пространственная компоновка символики, эпиграфики и орнамента) и темой (набор декоративно-художественных и тектонических элементов), которые воплощают и презентуют идею.

Комбинация результатов упомянутых анализов дает полную картину текста ствола. Исходя из этого, описание древней пушки как историко-культурного феномена возможно на нескольких уровнях: описание субтекстовых сообщений, описание объекта как системы текстов и описание набора функций, которые обслуживают эти тексты.

Исторический пушечный ствол – вещь достаточно замкнутая, отгороженная от внешнего мира физическими границами своего пространства и таинственными кодами. Однако, в так называемой семиосфере⁵, в сфере знаков и значений, исключается изолированное существование артефакта, погруженного в бесчисленные связи с разнообразными семиотическими образованиями. Выделение артиллерии XV-XVIII вв. в самостоятельный историко-культурный феномен обусловлено только эвристической необходимостью, и без обширных взаимодействий с внешним миром семиотика исторической пушки не «работает». Кроме того сам фактом своего существования древняя артиллерия связана с другими глобальными сферами, такими как производственная, сфера общественных отношений, технологическая.

Структурная неоднородность семиотического простора пушки способствует появлению новой

⁵ Лотман Ю. М. О семиосфере // Избранные статьи в трех томах. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 12, 20.

Историческая культурология и история культуры

информации внутри текста. Многие исторические пушки напоминают комнату с хаотическим нагромождением вещей непонятного назначения, картин забытых мастеров, книг неизвестных авторов и отдельных страниц, вырванных неизвестно кем и брошенных с загадочной целью. Такой беспорядок создает условия, при которых доминирующие смыслы объекта могут меняться местами с периферийными, перемещая актуальность текста в разные его участки от эпохи к эпохе.

Рассмотрим пример «мазепинской» пушки 1705 г. литья, известной под именем «Лев», выставленной в Московском Кремле. Гетман И. Мазепа был главным заказчиком декорированной артиллерии «осадных» калибров, которая формально принадлежала парку Генеральной артиллерии Гетманщины. Богато декорированная 16-фунтовая пушка, отлитая на деньги амбициозного гетмана, должна была свидетельствовать всему миру о его независимом правлении. Именно такой смысл был главным в момент создания текста данной исторической пушки. Однако, принято считать, что пушка «Лев» оказалась в Москве в качестве трофея после «предательства» И. Мазепы и событий 1708-1709 гг. До сих пор восприятие данного исторического объекта как «пушки изменника Мазепы» является доминирующим смыслом среди российских «читателей».

Нельзя считать периферийные смыслы дополнительными, поскольку их второстепенность может быть явлением временным. Они могут выражаться отдельными тестами или их фрагментами, на первый взгляд, совсем чужими для основного текста пушки. Кажется, пространство каждой исторической пушки так или иначе дробится на такие фрагменты-осколки (субтексты), на границах которых появляются новые смыслы⁶, позволяющие реконструировать целостность всего феномена в его исторической протяженности. Примерами подобных фрагментов могут быть: коллекционные инскрипции, нанесенные на трофейные стволы по приказу шведского короля Карла XII; новая техническая маркировка; сокращения и указания, проставленные в транзитных арсеналах. Существует особенная сторона текста исторической пушки, которая содержит мифопоэтичность на бытовом уровне: граффити, мнемонические знаки, вульгарные высказывания и имена. Все это части культурно-исторического текста пушки, так или иначе включенного в сферу человеческой жизни, которая существует в пространстве и проживается во времени⁷.

⁶ Лотман Ю. М. О семиосфере // Избранные статьи в трех томах. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 17.

⁷ Топоров В. Н. Петербургские тексты и Петербургские мифы // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 368.

На пушечном стволе могут сосуществовать тексты на принципиально разных языках, например, словесная формула и технический маркер, отлитый символ и впаиваемая золотая монета, резная шкала наведения на базовом кольце и отпиленные дельфины. В результате складывается иерархия подтекстов, совмещающая разные языки в едином текстовом целом, что затрудняет расшифровку. Попытки выравнивания кодирования предпринимались уже на этапе изготовления пушек. Типологизация стволов, унификация калибров и стандартизация технической маркировки была одним из приемов системной борьбы за внедрение универсальных текстовых кодов в артиллерию. Оригинальным вариантом кодирования следует признать идею швейцарских литейщиков по фамилии Маритц (п. п. XVIII в.), которые выразили унификацию калибров французской артиллерии в художественных формах винграда и тарели: 24-фунтовки отливались с винградом в форме маскарона Немейского льва, 16-фунтовки – Медузы Горгоны, 12-фунтовки – петуха⁸. Так полиструктурный текст пушки дополнительно «выравнивался», замыкаясь в моноструктурную оболочку художественного языка.

Следует отметить, что появление сложно декорированных стволов означало качественно новый этап усложнения пушечного текста. Многоуровневый и семиотически неоднородный текст, способный вступать в сложные отношения как с окружающим культурным контекстом, так и с «читателями», прекращает быть элементарным сообщением определенному адресату. На данной стадии структурного усложнения текст исторической пушки не только транслирует вложенную в него информацию, но и производит при посредничестве «читателей» и пользователей новые сообщения. Ведь любое художественное произведение, не исключая декорированную пушку, является поливариативным в понимании и интерпретациях, что значительно усложняет социально-коммуникативную функцию его текста⁹. Кроме первичной функции сообщения для аудитории, текст декорированной пушки создает элементы коллективной памяти и способен актуализировать одни блоки своей информации, при этом полностью или частично «забывая» о других.

В историческом центре Джакарты установлена португальская пушка XVII в. «Si Jagur» (местное название), с винградом, отлитым в форме кисти руки, пальцы которой сложены в кукиш. Эта

⁸ Образцы таких пушек выставлены в Musée de l'Armée, г. Париж.

⁹ Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Избранные статьи в трех томах. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 130, 132.

композиция побудила местных жителей считать пушку символом плодovitости. Потому иногда можно увидеть, как молодые семейные пары приносят сюда подарки и юные женщины усаживают верхом на ствол, за последнюю сотню лет отполировав его поверхность до блеска. Оригинальную культурную роль в городском сообществе пушка начала играть с XIX в., после уничтожения старого голландского форта, на бастионе которого она стояла. Ее сакральный компонент приобрел наибольшую актуальность среди других текстовых элементов исторического ствола. Местные власти в борьбе с предрассудками даже пытались убрать пушку с глаз долой, но скоро, из-за недовольства горожан, были вынуждены вернуть общественно важный фаллический символ на площадь.

Между тем, пушка наполнена почти забытыми субтекстами иного характера, не актуальными для современных «читателей». Скажем, исследователи M. Neyens и K. C. Cruz точно установили как место литья, так и авторство ствола. Пушка изготовлена в Макао, в мастерской португальского литейщика Мануэля Тавареса Бокарро, который прибыл туда в 1625 г. из Гоа и сумел удачно объединить в своем опыте достижения металлургии Запада и Востока. Он первым отлил в колонии 36-фунтовые пушки, которые несколько сотен лет защищали португальские фактории в бассейне Индийского океана¹⁰. Несколько пушечных стволов с подписью мастера сохраняются в лондонском Тауэре, в музее Вулвича и в Военном музее Лиссабона. Металлографический анализ образцов выявил специфическую технику сваривания, которой пользовался М. Т. Бокарро, и которая современными исследователями считается его личным маркером. Аналогичная технология применена и на упомянутой выше «Святой пушке из Батавии».

Еще один культурный подтекст, не «отложившийся» в общественном сознании, спрятан в оригинальной латинской инскрипции на пушечном стволе: «EX ME IPSA RENATA SUM» [Моя душа возродилась после смерти]. Надпись «намекает» на тот факт, что пушка отлита из старинной бронзы шестнадцати небольших стволов (3500 кг металла).

Художественный текст с помощью своих метакультурных конструкций провоцирует «читателя» на общение, предлагая «переварить» зашифрованные девизы, библейские символы и цитаты, поэтические отрывки или образы античной мифологии. «Читатель» начинает воспринимать текст

¹⁰ Charles R. Boxer, Macao, Three hundred years ago. As described by Antonio Bocarro in 1635, and now translated with an introduction and notes // T'ien Hsia Monthly (hereafter THM), 4 (1938) P. 281-316. [Электронный ресурс]. URL: <http://publicacoes.foriente.pt/?101,macau-na-epoca-da-restauracao-macao-three-hundred-years-ago-charles-ralph-boxer>.

автономным и завершенным в интеллектуальном плане. Кажется, именно так воспринимали текст и его создатели: з пушкой-индивидуальностью можно было вести интеллектуальный диалог, в котором пушка, из-за своего сложного закодированного текста, была на уровень выше собеседника. Превращение ствола в интеллектуальную шараду – не такая уж и редкость для артиллерийского декора XVI-XVIII вв., особенно, на территориях Османской империи и Индийского субконтинента.

Наконец, художественный пушечный текст, «общаясь» с культурным контекстом, превращается из простого сообщения в источник исторической информации. Учитывая сложность и гетерогенность культурного контекста, пушечный текст вступает в самые неожиданные отношения с его структурами. Скажем, пушечные стволы столетиями использовались с утилитарными целями в качестве тротуарных тумб, отбойников, водостоков, контрфорсов, ограждений. Портретные изображения собственников пушек уродовались з целью унижения. Дельфины отпиливались для приспособления их в качестве дверных ручек, да и сами стволы во времена финансовых кризисов продавались как металлолом. Интересные сакральные отношения сложились между жителями Джакарты и португальской пушкой XVII в., упомянутой выше.

Поскольку декорированная пушка является долговечным монументальным произведением, ее оригинальный текст способен мигрировать между контекстами, погружаясь в новую коммуникативную ситуацию, актуализируя припрятанные аспекты, как бы перекодируя самого себя. Так он уподобляется культурному макрокосму, приобретает признаки модели культуры и формирует автономное поведение. Такие способности художественной пушки позволяют нам использовать по отношению к ней определение «пушка-индивидуальность».

Общее повышение знаковости пушечного художественного текста иногда влияет на снижение его общей содержательности, что приводит к мифологизации непонятных текстовых элементов. Поскольку высокий уровень текстового значения обычно воспринимается как гарантия истинности, многие образцы исторической артиллерии отличаются крайней туманностью текстов. Возможно, это связано со стремлением творцов к недомолвкам и многозначности, присущим любому искусству¹¹.

К примеру, подобными недомолвками «грешат» монограммы, призванные заменить обширные презентационные надписи – эти титульные страницы пушечного текста. Упустить значимые сведения о собственнике пушки было недопу-

¹¹ Лотман Ю. М. Текст и функция // Избранные статьи в трех томах. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 136.

Историческая культурология и история культуры

стимым, поскольку это мгновенно переводило представительность пушки на низший уровень. Однако, учитывая ограниченность поверхности ствола, титульные надписи сжимались до размера монограмм, все-таки без риска наглухо закодировать сообщение. Авторы исходили из того, что информация, отображенная на пушечном стволе, находится в рамках общественной памяти потенциального круга «читателей», а потому может безболезненно сокращаться.

Подобным сокращением является гипермонограмма вокруг герба «Шренява», изображенная на пушке 1646 г. из коллекции музея замка Вавель (г. Краков): «S. L. C. W. P. ET. C. C. S. S. V. R. D. Z. N. C. 1646» [Stanislaus Lubomirski Comes Wisnicensis, Palatinus et Capitaneus Cracoviensis, Scepusiensis, Sandomiriensis, Bialocercviensis, Rohatiensis, Dobczyciensis, Zatoriensis, Niepolomiciensis Capitaneus]¹². Известно множество пушечных монограмм, не поддающихся расшифровке, однако это не означает, что их прочтение составляло непреодолимые трудности для современников.

Сокращения применялись не только для эпиграфий, но и для символики, в основном, геральдического характера, к которой следует отнести так называемые «немые» девизы, близкие к эмблемам. Среди наиболее известных – девиз короля Франции Людовика XII – дикобраз в кольчужном воротнике, с «душой» девиза «COMINUS ET EMINUS» [Вблизи и вдалеке]. Именно так, согласно легенде, дикобраз поражает своими иголками. Известна также саламандра короля Франциска I с «душой» «NUTRISCO ET EXTINGO» [Питаю и уничтожаю]. Огонь питает добро, воплощенное в образе саламандры, и уничтожает все злое. Однако, на стволах королевских пушек эти символы отливались без «души» или только с начальными буквами (Musée de l'armée, г. Париж).

Любое сообщение обычно ориентировано на определенную аудиторию, способную понять его язык и коды, а значит – наиболее полно воспринять все смыслы текста. Часть «читателей» понимают текст фрагментарно, на уровне распознавания смысловых намеков, другая часть – поверхностно, по принципу: что в глаза бросается, то и правда, при этом деформируя его смыслы. Механизм деформации конкретного смыслового наполнения пушечной символики иллюстрирует, например, инвентарное описание киевской артиллерии 1695 г.

Возможно, составитель инвентаря «Ивашко Калашников» был достаточно опытен в административных и хозяйственных вопросах, но мало

заботился о тщательном отражении символики на стволах, которые регистрировал. Даже герб Великого княжества Литовского, с которым Россия вела перманентную войну уже два столетия, служебник «не узнает» (как, впрочем, и герб Польского королевства), и называет геральдическую картинку «человек с палашем на коне», вместо общеизвестного «Погоня»¹³. Объяснить такое непонимание «материальной части» можно или пренебрежением и нежеланием узнавать неприятельскую символику, или боязнью «маленького человека» допустить оскорбительную ошибку в своих геральдических предположениях. Однако, независимо от причин, смысловое значение символики было деформировано.

В пространстве исторической пушки между элементами культурных традиций происходит своеобразная игра, основанная на внутренних противоречиях текста, которая ярче всего проявляется в декоре ствола с его сложной структурой. Именно это свойство превращает пушечный текст в смысловой генератор, а не в пассивное нагромождение символов и знаков. При этом очевидно, что текст сам по себе ничего генерировать не способен. Для этого он должен контактировать с «читателями». Изолированная от социума историческая пушка из потенциального исторического источника превращается в металлолом, утрачивая свой текст без внешних потоков информации. Только контакт с другими культурными текстами запускает механизмы генерации смыслов и актуализации самого пушечного текста. Это вполне соответствует социально-культурной сущности феномена исторической артиллерии.

В связи с этим обратим внимание на прагматизм текстов художественных пушек, без которого не работает механизм актуализации. Именно прагматическое наполнение пушечной символики доступными для «читателей» смыслами позволяет историческим пушкам погружаться в новые культурные контексты. Постепенно складывалась иерархия пушечных текстов, которая базировалась на увеличении текстового значения конкретных артефактов. На вершине оказались образцы, представляющие наиболее весомые для данной культуры тексты. Они в первую очередь сохранялись потомками и ценились коллекционерами. Общеизвестны случаи, когда статус исторической артиллерии повышался благодаря усилиям коллекционеров.

К примеру, сохранением интересного комплекса исторической артиллерии мы обязаны любознательной и амбициозной личности Петра I, который, подобно своему визави шведскому

¹² Grodzicka M. Zabytkowe działa szpizowe w zbiorach polskich // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. Warszawa, 1960. T. VI / 2, S. 391.

¹³ Доба гетьмана Івана Мазепи в документах / Упоряд.: С. О. Павленко. К., 2007. С. 905.

королю Карлу XII, увлекался собиранием интересных образцов вооружения. В соответствии с его указами от 6 и 12 декабря 1702 г., из пограничных крепостей, богатых трофейной артиллерией, в Москву отправлялись самые интересные плененные пушки. С 1703 г. древнюю, художественную и трофейную артиллерию «для памяти на вечную славу» начали собирать и в Петропавловской крепости. С 1714 г. Старый артиллерийский двор (Адмиралтейская сторона) фактически превратился в склад пушек, которые накапливались там для переплавки. В 1718 г. появился очередной царский указ о вечном сбережении пушек, отлитых до 1678 г.¹⁴ Известны также высочайшие распоряжения о «коллекционировании» исторически ценных пушек от 1719, 1722 и 1723 гг.

Касательно конкретных артефактов с повышенным статусом историчности, вспомним 30-пудовую мортиру, отлитую в 1605 г. Проней Федоровым (Артиллерийский музей, г. Санкт-Петербург). С левой стороны ствола по прямому указанию «коллекционера» (Петра I) вырезано сообщение, которое вывело текст мортиры на недостижимую иерархическую высоту: «ВЕЛИКИЙ Г[ОСУ]Д[А]РЬ ПО ИМЯННОМУ СВОЕМУ УКАЗ[У] СЕГО МАРТИРА ПЕРЕЛИВАТЬ НЕ УКАЗАЛЪ А:Ψ:Г: (1703) ГОДУ».

Показателен пример приобретения раритетной львовской артиллерии князем Иеронимом Флорианом Радзивиллом в 1753 г.¹⁵ Формирование Радзивиллами оригинального артиллерийского парка было вызвано не столько военными потребностями, сколько художественной и исторической ценностью пушек. Именно принцип художественности был положен в основу пушечной коллекции виленского воеводы Николая Криштофа Радзивилла «Сиротки», которого придерживались наследники князя. Декорированные пушки отливались в Несвиже; доставлялись из украинских княжеских имений (Ровно, Ляховичи, Олыка); покупались (во львовской общине или в Висницком замке Любомирских); переходили по наследству от Собеских и Жолкевских. В итоге, в конце XVIII в. в Несвижском замке Радзивиллов насчитывалось 66 исторических стволов, в основном, украинского происхождения¹⁶. Акцентирование внимания авторитетного «коллекционера» на данных артиллерийских стволах повысило их исторический и художественный статус даже без специальных эпиграфических дополнений в тексте пушек.

Пушечные тексты продвигались по иерархической лестнице не только по желанию отдельных личностей, но и благодаря общественным оценкам. Такова огромная московская «Царь-пушка», превратившаяся в общественном сознании в символ «державности» и национальной идентичности, хотя ни разу так и не выстрелившая. Всемирно известна, не в последнюю очередь благодаря литературному таланту Р. Киплинга, внушительных размеров пушка «Замзама», отлитая в 1757 г. на территории Дурранийской империи. Орудие с насыщенной боевой судьбой, пройдя сквозь битвы и пленения, было повреждено, и превратилось в символ Пенджаба, навечно заняв место напротив Делийских ворот в Лахоре¹⁷.

Декорированный пушечный ствол, наполненный символикой, эпиграфикой и маркировками, – это не только выражение индивидуального видения его авторов. Он устанавливает определенный символический порядок через информационный поток, который формирует у зрителей ментальные и идеологические образы и смыслы, таким способом порождая новую реальность. Учитывая монументальность такой вещи как пушка, контакт с ее неизменным информационным потоком может продолжаться столетиями. «Читатель», пассивно потребляющий информацию из века в век, может изменять ее понимание только на основе собственной системы ценностей и собственных ощущений, а также под влиянием общепринятых дефиниций. «Власть дефиниций» не только диктует ракурс восприятия текста, но и порождает иллюзия важности того или иного его фрагмента. Кроме этого, на «читателя» давит стандартизация и культурная стереотипизация, заставляющая понимать смыслы в соответствии с «престижными», образцовыми схемами, «модными» в тот или иной момент.

Историческая артиллерия, как и любой культурный феномен, порождает информацию, ценность которой для аудитории всегда будет под вопросом. Ценность информации – понятие субъективное, зависимое от цели изучения древней пушки, поэтому тут скорее приходится говорить о ее актуальности. Пушечный ствол как исторический источник второго плана¹⁸, всегда отличался низкими показателями информационной ценности, прежде всего из-за своей статичности, неспособности «отвечать» потребительской динамике. В принципе, это не создает противоречия, ведь феномен исто-

¹⁴ Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи / Научный редактор и составитель В. М. Крылов. СПб., 2001. С. 310.

¹⁵ *Badecki K.* Leonard Herle ludwisarz i jego lwowskie działa 1544–1572. Studium archiwalno-muzealne. Lwow, 1932. S. 34–35.

¹⁶ *Bersohn M.* Dawnia zbrojownia książąt Radziwiłło

¹⁷ *Balasubramaniam R.* The saga of Indian cannons. New Delhi, 2008. P. 86.

¹⁸ Из всего репертуара исторических источников, артиллерийские орудия XVI–XVIII вв. можно отнести, согласно определению Марка Блока, к «невольным свидетелям», на уровне археологических артефактов, произведений искусства, данных топонимики и ономастики, орудий труда и т. д.

Историческая культурология и история культуры

рической пушки характеризуется культурной статичностью и вековой монументализацией.

Итак, с одной стороны, авторы пушечного текста апеллируют к глубинам исторической памяти определенной аудитории, с другой – сам текст является отражением портрета аудитории, который, при внимательном анализе пушечного текста, иногда поддается реконструкции. Анализ пушечного текста дает представление о сценарии поведения

«читателей», их манере усвоения информационного пространства пушки; раскрывает потенциал параметров этого пространства; позволяет расшифровать художественно-эстетическую концепцию, идею и тему организации поверхности ствола. Предложенная ниже таблица с классификацией «читателей», представляется актуальной с точки зрения временного фактора и степени заинтересованности в текстовой информации пушки¹⁹.

Категории «читателей»	Типология «читателей»	Степень заинтересованности в информации	Манера изучения пушечного текста	Характер необходимой информации
Служебники	Литейщики	Max – открытость к новой информации	Неспешная, непрерывная, внимательная, аналитическая	Индивидуальная, профессиональная, разнородная
	Полевые пушкарки	Medium – жесткая фильтрация не нужной информации	Неспешная, избирательная	Индивидуальная, профессиональная, символика, маркировка
	Крепостные (замковые, городские) пушкарки	Medium – жесткая фильтрация не нужной информации	Неспешная, избирательная	Индивидуальная, профессиональная, символика, маркировка
	Ревизоры	Medium – отбор формулярной информации	Не внимательная, избирательная	Общая, нужная для составления инвентарного формуляра
Целевая аудитория	Частные заказчики	Max – отбор актуальной информации	Неспешная, придирчивая, внимательная, аналитическая	Индивидуальная, разнородная, смыслы пушечного текста
	Государственные заказчики	Max – отбор актуальной информации	Внимательная, аналитическая	Индивидуальная, соответствие «информация-идеология»
	Новые собственники	Medium – с приближением к min	Поверхностна, аналитическая	Общая/ индивидуальная, знакомые смыслы, художественные элементы
	Коллекционеры	Max – открытость к новой информации	Неспешная, внимательная, аналитическая	Индивидуальная, разнородная, смыслы пушечного текста, историческая

¹⁹ Таблица создана на основе идеи, изложенной в работе: Филиппова Н. В. Информационная архитектурная среда городских площадей как гипертекстуальная матрица. [Электронный ресурс]. URL: http://book.uraic.ru/project/conf/txt/005/archvuz26_pril/21/template_article-ar=K41-60-k47.htm.

Случайные (транзитные) «читатели»	Солдаты	Min	Очень быстрая	Общая
	Мещане	Min	Поверхностная, выборочная	Общая, знакомые элементы и смыслы
	Особы, приглашенные на осмотр арсеналов и литейных	Medium – с приближением к min	Быстрая или поверхностная, избирательная	Общая/ индивидуальная, знакомые смыслы,
	Иностранные послы	Min – с повышением к medium	Быстрая, аналитическая	Общая/ индивидуальная, презентационные элементы, эстетический образ
	Путешественники	Max – открытость к новой информации	Неспешная, внимательная, аналитическая	Индивидуальная/ общая, презентационные элементы, знакомые и актуальные смыслы

Не так уж прост текст исторической пушки, как не просты каждая страница и каждое слово, поскольку подразумевают мир, очевидным свойством которого является сложность. Довольно часто можно видеть контуры текста исторической пушки, но не понимать языка, на котором он транслируется. Неизвестным также остается культурный контекст появления текста, например, из-за фрагментарности символики, редкостных монограмм, нестандартной технической маркировки или физических повреждений ствола. При этом достоверность любой расшифровки всегда будет поддаваться сомнению, и оставаться гипотетической. Ведь в итоге расшифровки мы получаем лишь относительное соответствие «языку» сложного текста, который сам деформирует собственные коды, тем самым изменяя смысл знаков²⁰.

Во время исследовательского метаописания пушечного текста каждый его знак может выглядеть парадигмой, что, собственно, и порождает гипотетичность выводов. При этом следует помнить, что согласно задумке своих творцов, знак должен был не только точно выражать необходимый смысл, но и наделялся конкретным содержанием этого смысла. Потому идентификация исторической пушки – занятие творческое, много в чем зависимое от уровня развитости интуиции исследователя. Закодированный пушечный текст, это «труп без души»,

и только во время взаимодействия с «читателем», который «оживит» его своими знаниями, интеллектом и воображением, текст из фрагментов превратится в организованное повествование.

Идея текста с возможностью его поливариантного прочтения, характерна для противоречивых Средних веков, оставивших нам готическую архитектуру и схоластическую философию, в которой все служило предметом дискуссии. Порожденный Средневековьем пушечный текст представляется сложным механизмом с бесчисленными кодами, информационным генератором с чертами интеллектуальной индивидуальности, который всегда и обязательно пребывает в определенном контексте.

Одолженное у постмодернизма восприятие любого источника как текста с собственной внутренней структурой подталкивает исследователя к детальному изучению контекстов, в котором возникла и функционировала историческая пушка. Работа над контекстами создает видимость объективности и убежденности в правильной реконструкции текста, хотя и катастрофически усложняет его дешифровку, которая утрачивает свой конечный характер. Остаточная расшифровка текста исторической декорированной пушки, видимо, не представляется возможной. Вероятно, конечного текста вообще не существует. Он пишется.

Список литературы:

1. Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи / Научный редактор и составитель В. М. Крылов. СПб., 2001.

²⁰ Лотман Ю. М. Текст и полиглотизм культуры // Избранные статьи в трех томах. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 145.

Историческая культурология и история культуры

2. Гуцол С. Ю. Семиотический подход к проблемам исследования мифа. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/znpip /2/2010_6/st11.pdf. (Дата обращения: 18. 03. 2013).
3. Доба гетьмана Івана Мазепи в документах / Упоряд.: С. О. Павленко. К., 2007.
4. Лотман Ю. М. О семиосфере // Избранные статьи в трех томах. Таллинн, 1992. Т.1.
5. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Избранные статьи в трех томах. Таллинн, 1992. Т.1.
6. Лотман Ю. М. Текст в тексте // Избранные статьи в трех томах. Таллинн, 1992. Т.1.
7. Лотман Ю. М. Текст и полиглотизм культуры // Избранные статьи в трех томах. – Таллинн, 1992. Т.1.
8. Лотман Ю. М. Текст и функция // Избранные статьи в трех томах. Таллинн, 1992. Т.1.
9. Топоров В. Н. Петербургские тексты и Петербургские мифы // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.
10. Филиппова Н. В. Информационная архитектурная среда городских площадей как гипертекстуальная матрица. [Электронный ресурс]. URL: http://book.uraic.ru/project/conf/txt/005/archvuz26_pril/21/template_article-ar=K41-60-k47.htm. (Дата обращения: 09. 02. 2013).
11. Badecki K. Leonard Herle ludwisarz i jego lwowskie działa 1544–1572. Studium archiwalno-muzealne. Lwow, 1932.
12. Balasubramaniam R. The saga of Indian cannons. New Delhi, 2008.
13. Bersohn M. Dawnia zbrojownia ksiąǳet Radziwiłłów w Nieswieżu. Warszawa, 1904.
14. Charles R. Boxer, Macao, Three hundred years ago. As described by Antonio Bocarro in 1635, and now translated with an introduction and notes // T'ien Hsia Monthly (hereafter THM), 4 (1938) P. 281-316). [Электронный ресурс]. URL: <http://publicacoes.forientep.pt/?101,macau-na-epoca-da-restauracao-macao-three-hundred-years-ago-charles-ralph-boxer>. (Дата обращения: 20. 03. 2013).
15. Grodzicka M. Zabytkowe działa spiżowe w zbiorach polskich // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. Warszawa, 1960. T. VI / 2.

References (transliteration):

1. Voenno-istoricheskii muzey artillerii, inzhenernykh voysk i voysk svyazi / Nauchnyi redactor i sostavitel' V. K. Krylov. SPb., 2001.
2. Gutsol S. U. Semioticheskii podkhod k problemam issledovaniya mifa. [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/znpip /2/2010_6/st11.pdf. (Data obrashcheniya: 18. 03. 2013).
3. Doba get'mana Ivana Mazepy v dokumentach / Uporiad.: S. O. Pavlenko. K., 2007.
4. Lotman U. M. O semiosfere // Izbrannye stat'i v trech tomach. Tallinn, 1992. T. 1.
5. Lotman U. M. Semiotika kul'tury i poniatie teksta // Izbrannye stat'i v trech tomach. Tallinn, 1992. T. 1.
6. Lotman U. M. Tekst v tekste // Izbrannye stat'i v trech tomach. Tallinn, 1992. T. 1.
7. Lotman U. M. Tekst i poliglotizm kul'tury // Izbrannye stat'i v trech tomach. Tallinn, 1992. T. 1.
8. Lotman U. M. Tekst i funktsiya // Izbrannye stat'i v trech tomach. Tallinn, 1992. T. 1.
9. Toporov V. N. Peterburgskie teksty i Peterburgskie mify // Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo. M., 1995.
10. Filippova N. V. Informatsionnaia arkhitekturnaia sreda gorodskikh ploshchadey kak gipertekstual'naia matritsa. [Elektronnyi resurs]. URL: http://book.uraic.ru/project/conf/txt/005/archvuz26_pril/21/template_article-ar=K41-60-k47.htm. (Data obrashcheniya: 09. 02. 2013).
11. Badecki K. Leonard Herle ludwisarz i jego lwowskie działa 1544–1572. Studium archiwalno-muzealne. Lwow, 1932.
12. Balasubramaniam R. The saga of Indian cannons. New Delhi, 2008.
13. Bersohn M. Dawnia zbrojownia ksiąǳet Radziwiłłów w Nieswieżu. Warszawa, 1904.
14. Charles R. Boxer, Macao, Three hundred years ago. As described by Antonio Bocarro in 1635, and now translated with an introduction and notes // T'ien Hsia Monthly (hereafter THM), 4 (1938) P. 281-316). [Elektronnyi resurs]. URL: <http://publicacoes.forientep.pt/?101,macau-na-epoca-da-restauracao-macao-three-hundred-years-ago-charles-ralph-boxer>. (Data obrashcheniya: 20. 03. 2013).
15. Grodzicka M. Zabytkowe działa spiżowe w zbiorach polskich // Studia i Materiały do Historii Wojskowości, Warszawa, 1960. T. VI / 2.